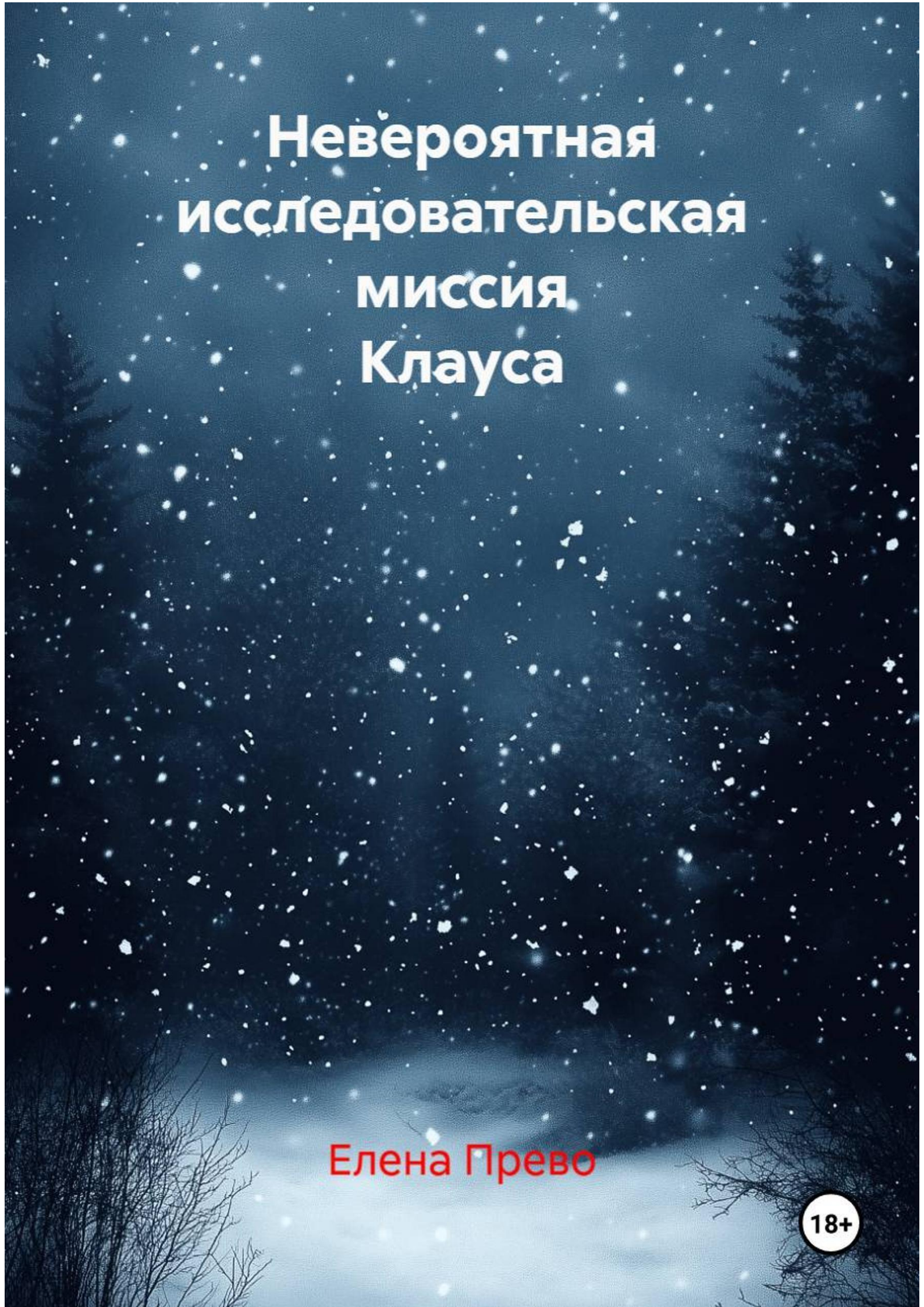

Невероятная исследовательская миссия Клауса
Елена Прево
18+

Елена Прево

Невероятная исследовательская миссия Клауса

«Автор»
2026

Прево Е.

Невероятная исследовательская миссия Клауса / Е. Прево — «Автор», 2026

В одном черном-черном лесу есть черный-черный город, в котором хранится черная-черная книга...Переехав в город людей, молодой белый эльф Клаус решает жениться на местной девушке, но ее семья ставит условие: Клаус должен прослужить в государственных исследовательских миссиях не менее года, чтобы накопить на будущую супружескую жизнь. Клаус решает взяться за рискованную работу и в первом же походе теряет все жизненные ориентиры. Ему придется ставить на кон свою жизнь ради сомнительного выигрыша.

© Прево Е., 2026
© Автор, 2026

Елена Прево
Невероятная исследовательская миссия Клауса

Глава 1

i. Не самая дальняя окраина

Клаус размахнулся и не то чтобы со всей силы, но все же довольно сильно вмазвал пощечину по толстой румяной щеке. Щека заколыхалась, по ней потекла слезка с той стороны, где пришелся удар. Глаза быстро заморгали, людейский парнишка сначала заскулил, как будто от зубной боли, потом совладал с собой и произнес:

– Я сын мэра этого города. Со мной нельзя так обращаться.

– Обращаюсь как хочу, – в сердцах ответил Клаус.

Клаус все еще был в шарфе и капюшоне, в сумке лежала одна смена одежды; если что, городской дозор он обманет. Но это будет его единственная попытка переодеться... А когда барчук забудет, как он был одет, можно будет переодеться в обычное. Хотя Клаусу надо в центр, а барчук, видимо, из центра. И, судя по внешнему виду, мальчик он здоровый, забывать Клауса будет долго. Может, отдубасить его по башке как следует, чтобы память потерял? А вдруг он начнет отбиваться? А вдруг он память не потеряет? Тогда придется убивать. А Клаус пока еще никого, кроме домашних кур, не убивал. Тем более начинать с сына мэра... Прощай все мечты поднять бабла в городе и уехать жениться.

Лукаш как будто догадался, что у Клауса на уме насилие.

– Кстати, у меня с этой стороны больной зуб, – сын мэра собрался с духом и продолжил диалог относительно уверенным голосом. – Так что я не обижаюсь на тебя за то, что ты меня... Ну то есть, извините, вы нечаянно задели меня по щеке. Больше не делайте так, пожалуйста.

Клаус подхватил, что да, он-де не заметил мальчика, все произошло случайно и он просит прощения, что задел его щеку. Попытался даже изобразить церемонный поклон, как его учили друзья из центра. Мальчик теперь представился:

– Меня зовут Лукаш. Я очень нуждаюсь в вашей помощи: мне нужно сопровождение домой, я заблудился.

Оказалось, что барский сын начитался книжек, наслушался лекций в университете и решил встретиться с реальностью бедных окраин города. Хотя умный папочка говорил ему, что делать этого не стоит. Будет как в сказке про принцессу, которая ушла ночью из дворца и встретила свою судьбу. Только судьба Лукаша будет с ним на один раз, в рассказы, что он мэров сын, не поверит и в лучшем случае после этого раза продаст его в рабство, а в худшем – на мясо черным эльфам. Хотя порой лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Лукаш обиделся на отца. Ему было уже восемнадцать, хотя выглядел он моложе. Он тайком договорился с извозчиком, чтобы тот отвез его до не самого благополучного, но все же населенного людьми района города, сделал это солнечным днем, с собой взял десять золотых монет и флягу с водой, оделся как обычная городская молодежь в университете, прочертил, как ему казалось, безопасный маршрут. Ехали всего минут сорок от дома, а когда он вышел, то улица была тихой. Вокруг стояли небогатые частные дома в один-два этажа, из дворов иногда доносились лай собаки и квохтанье кур. Далеко за домами был виден шпиль ратуши.

Лукаш отпустил извозчика и, сверившись с картой, ориентируясь на ратушу, спокойно пошел по улице. Первая же напасть случилась минут через десять – его погнала стая местных собак. Он знал, что нужно идти спокойно, и они отвяжутся. Но вдалеке он увидел еще вторую стаю. Он решил постучаться в дом, чтобы хозяева пустили его во двор – думал, договориться, чтобы ему вызвали извозчика или сопроводили до первой широкой улицы, где извозчики и сами попадаются. Перепрыгнув через канаву, он стал стучать в ворота, собаки окружили его, и тут из ворот вышел пьяный мужик с луком и стрелой. Он закричал на Лукаша на каком-то непонятном наречии и дрожащими руками начал натягивать тетиву – Лукаш побежал. Кажется, в сторону той широкой улицы с возможными извозчиками. Собаки побежали тоже и, кажется, не за Лукашем. Однако вторая стая вдалеке никуда не собиралась, и он решил обогнуть ее по параллельной улице. Тут-то, свернув направо, он со всего размаху влетел во что-то, что оказалось Клаусом и влепило ему пощечину.

Справедливости ради стоит отметить, что Клаус был в камуфляже. Заметить его на бегу и в повороте было бы очень трудно. В общем, оба не были в обиде, но Клаус потребовал все деньги, что были у Лукаса, за сопровождение.

Клаус тоже поведал свою историю. Он был белый эльф с севера, рос в небольшом городке – там даже театр свой есть. В людейский город, на юг перебрался недавно – родители скопили денег на съем жилья, а дальше он устроился работать на стройку и сам себя содержал. Мечта у него: жениться на людейке, или людянке, как там правильно. Он встретил свою единственную, ту самую – Алиину из дома Мейзонов. Лукаш, кстати, знал ее. У нее мама была учительницей в гимназии, где Лукаш учился. Они решили пожениться, но семья поставила Клаусу условие заработать на приданое, дала нужные контакты, чтобы пойти послужить год-два, а сами уехали еще дальше на юг, в столицу. Туда Клаус и поедет после того, как отслужит контактам Мейзонов. С Алииной он теперь поддерживал связь только по переписке, и это его сильно напрягало. Читать и писать по-людски он научился хорошо, но вот в отношения на расстоянии не верил. Лукаш согласился с Клаусом, но, честно сказать, мнения на тему отношений не имел. Он хотел сначала построить карьеру в мэрии, а потом уже заводить семью.

– Так что нам с тобой по пути, барчонок. Я иду в таверну возле ратуши, где человек по имени Гриигор представит меня своему отряду и даст нам миссию.

– Почему ты называешь меня барчонком? Это же обидно.

– Извини, не-барчонок.

– А как ты с Алииной сумел подружиться, если ты не знаешь этикет?

– Она как раз и учила меня этикету. Мы сначала подружились на музыкальном концерте, а потом она поняла, что до ее семьи я еще должен дорасти.

– Я заметил, что ты сначала влезаешь в драку, а потом разбираешься, стоило ли бить.

– Не-е, это не всегда так. Меня лай собачий напугал, вот я и стукнул. От страха. Хотя вообще не стоило бить, вдруг ты был хозяин этих собак – они б меня порвали, наверное. А может и нет. Я владею топором еще, не только луком.

Стояла ранняя осень, жиденький снежок таял на придорожной траве. Иногда влезая в грязь и хлюпая сапогами, они шли все по тому же частному сектору, но собаки и люди их опасались. Что-то в Клаусе их настораживало. Скорее всего, камуфляж и топорщившийся из-под него лук. Хотя на деле оказалось, что Клаусу тоже всего восемнадцать (по эльфийским меркам) и боевого опыта у него мало: несколько детских драк, кружок по рукопашному бою, стрельбе и топору в родном городе, пара стычек по пути из родного города и в местной таверне. Зато он хорошо умел прятаться. А еще с возрастом он становился все вспыльчивее. Возможно, это была какая-то особенность эльфийской крови. Его папаша очень любил поорать и побить посуду, но побоев в семье не было.

Лукаш не стал рассказывать о своей жизни в семье. Он больше говорил о том, как надо устраивать жизнь в городе.

– Понимаешь, ведь очень много вас, приезжих эльфов, а люди как раз уезжают на юг. Вы ведь не знаете наших обычаев и традиций, многие из вас с трудом понимают язык. Ты – исключение, и ты ехал сюда, именно чтобы ассимилироваться, жениться на девушке, работать на.. как это ты говоришь... людейский город.

– А ты понял, что тебе тот алкаш орал?

– Нет, но есть стандарт языка, который все знают. Если бы он протрезвел, то, я уверен, он бы смог на нем со мной говорить.

– Он орал: "Мерзкий барчук, как тебя сюда занесло? Убирайся!"

– Я так примерно и понял. А на каком это?

– На тифлингском.

– Ты знаешь тифлингский?

– У нас в школе был курс по выбору. Я еще магию эльфийскую немного знаю. И не будь меня, ты бы не факт, что дошел до дома здоровым. Но твой папаша преувеличивает насчет того, что ты бы совсем не дошел. Случись реально какая-то беда с тобой на этих улицах, местные все равно бы помогли. Они видят, что я уже помогаю, поэтому никто у тебя ничего не спрашивает.

– Я бы не был так уверен. Зачем они держат столько собак? Зачем выпускают их из дворов, чтобы те бегали вот так и пугали людей? Сами же ходить не могут спокойно. Сюда даже дозор старается не ходить, только на обязательные обходы.

Тут за ними все-таки понеслась какая-то оголтелая собака, Клаус подобрал с дороги камень и низко запустил его вдоль дороги так, что тот покатился быстро и далеко, прокатившись примерно в метре от собаки. Та погналась за камнем, и они быстро свернули на параллельную улицу.

ii. Широкая улица с каменными домами

– Местные знают, как обращаться с собаками. Для них они почти никогда не представляют угрозы. Хотя ребенка или пьяного случайно загрызть могут, поэтому нефиг по улицам шататься в одиночку. Собака во дворе отпугивает воров. А на улицу они бегают сами. Не все собаки спокойно могут сидеть на привязи. Да и двор загадят своими какахами.

– Получается, что на такой улице ты всю жизнь учишься, чтобы не попасть в беду. Надо знать приемы обращения с собаками, водить знакомство с местными…

– Как ты и сказал – обычаи и традиции. А тебе приходится учить философию и государственное муниципальное управление.

– Пятьдесят на пятьдесят – местные бы меня спасли или бросили умирать, если бы стая меня догнала.

– Согласен, тут как повезет.

– Так не лучше ли как-то организовать жизнь так, чтобы не бояться собак?

Тут они вышли на улицу пошире. Грунтовка сменилась мощеной мостовой, канава была закрыта металлической решеткой, по которой можно было спокойно ходить. На улице стояли все так же частные дома, но первые этажи были из камня или кирпича. Заборы часто были не глухими, во дворах виднелись беседки, небольшие конюшни и даже статуи с фонтанчиками. Мимо проехала повозка, не частная, с извозчиком.

– Фу-х, цивилизация, – произнес Лукаш.

К Клаусу подошел мужик в плаще и попросил лицензию на пребывание в городе. Документы у Клауса оказались в порядке, и они пошли дальше.

– Если ты мне дашь хотя бы одну монету из своего заработка за мое сопровождение, мы доедем на извозчике. Или даже посадишь меня в такси и будешь свободен, – предложил Лукаш, но Клаус отказался платить за извозчика. А Лукаша давила жадность: предлагать еще дополнительную оплату, если Клаус доедет с ним до дома. Все-таки десять золотых он уже отдал. За что? За то, что Клаус просто идет рядом. Да еще и дозору он не нравится. А что если отец увидит Лукаша с этим типом? – Ну тогда я уже и сам дойду. Можешь идти по своим делам.

– Мне с тобой в одну сторону. Я к ратуше иду.

– А-а, да, точно, – протянул Лукаш. – Ну ладно, тогда идем. А что за служба ожидает тебя у сира Гриигора?

– Там может быть что угодно. Могут послать к черным эльфам выкупить богатея, которого сдали конкуренты или свои же соратники по бизнесу…

– А я думал, что черные эльфы съедают людей, которые к ним попадают.

– Не-е, это гоблины. Черные эльфы любят алмазы и лесную дичь.

– У нас профессор по черным эльфам говорит, что они людоеды.

– Они не людоеды. Насколько я знаю. Ну, короче, или вот могут послать на север – это называется "исследовательская миссия". Там надо ходить по поселениям, записывать, сколько народу живет, чем занимаются. Могут дать задание найти бандита какого-нибудь…

– О, это же как в ДНД!

– Что за ДНД?

– Игра такая – данж*о*ны-эн-драк*о*ны. Собираетесь с друзьями, один из вас придумывает задание, остальные должны его выполнить. Вы сами придумываете себе внешний вид, что у вас есть с собой, какие у вас есть навыки. Тот, кто придумал задание, называется мастер. Он вам рассказывает, куда вы попали, кого встретили. А если вы совершаете какое-то действие или возникает спорная ситуация, то успех или исход спора решают броском кубика.

– Моя служба – это не игра какая-то. Мне надо заработать на свадьбу, детей. Там очень серьезные люди и очень серьезные задания.

Дальше шли какое-то время молча. Лукаш боялся, что обидел Клауса. Клаус бесился с Лукаша и его детского отношения к серьезным вещам. Поди, когда вырастет, папаша сделает его мэром после себя! Будет очередной придурок-мэр, который считает, что все вокруг – ДНД…

– Так и что ты такое прочитал, что поперся на окраину?

– Наша страна находится в экономическом упадке. Это уже ни для кого не секрет. Есть один философ, он считает, что надо уменьшить имущественный разрыв между богатыми и бедными. Говорит, от этого всем станет лучше. Вот я и решил посмотреть, как живут бедные. Думал, может, даже поговорю с кем-то из них. Я хочу понять, что будет, если им просто раздать чье-то богатство.

– И что ты понял?

– Ничего. Понял, что если тебе дать денег, то ты семью заведешь, но не у нас, а в столице, так что деньги просто уедут с тобой. Мы и так в столицу налоги платим. А вот тому алкашу, который на меня с луком напал, я бы не хотел давать денег. Он их пропьет. Что, с одной стороны, увеличит доходы малого бизнеса – виноделов и питейных заведений, с другой стороны, ведет к развращению общества, увеличению заболеваемости тяжелыми хроническими и психическими болезнями. Следовательно, вырастут расходы на медицину и безопасность.

Вот я слушаю тебя, вместо просто денег тебе дали полезную службу у нас в городе. Ты ее сейчас выполнишь и получишь, сколько тебе надо. Это справедливо. А тот алкаш вообще даже не пытается как-то изменить свое положение. Ему бы протрезветь для начала, пойти тоже в найм, вот как ты на стройку. Глядишь, может, и поднялся бы.

А у моих друзей из обеспеченных семей много идей, как улучшить городскую жизнь. Когда они унаследуют богатство, то планируют потратить его на городскую среду, потому что хотят, чтобы всем здесь было комфортно. Получается, что все и так хорошо устроено в этом смысле.

– Зря съездил получается.

– Ну да, пока зря.

– Значит, папаша твой не зря тебе сказал, что не надо ехать.

– Ну нет, подожди, сейчас может еще что–то произойдет, какое-то просветление. Идея. Мысль. Вот ты сам что думаешь?

– Я думаю, что я ливаю на юг за Алиной. Тут тухляк. Два года я должен заниматься опасной работой, просто чтобы жениться. Если мне повезет, меня не убьют и не покалечат. А если не повезет? И тебе советую не увлекаться философией. У нее нет ответа на то, как поправить ситуацию. Даже если ты станешь мэром, будешь жить хуже, чем я в столице.

– В столице назревают такие же проблемы, как у нас. Только там все медленнее, так как она очень большая. Мэром я там не стану и ничего поменять не смогу. А тут судьба как будто дает мне шанс на эксперимент.

– В ДНД экспериментируй. Зачем на горожанах–то? (Про себя Клаус подумал, что, может, и не стоило спасать барчука. Хотя десять золотых…) Кстати, тот алкаш, скорее всего, и без найма хорошо зарабатывает. На тифлингах, которым нужен тайный приют. На кой ему в найм?

Из-за угла резко вывернула повозка с местными. Похоже, они были навеселе, радостно визжала женщина. Повозка чуть не наехала на Лукаша, Клаус быстро отдернул его в сторону.

– Смотри по сторонам! Ты еще не в центре.

Лукаш выглядел испуганно.

– Надо издать закон, чтобы не ездили быстро.

– Ты сам будешь на улицах следить, как все ездят?

– Дозор будет.

– А за дозором кто будет следить?

– Мэрия.

– А за мэрией?

Вдалеке дозор все-таки остановил повозку с буянами. Громко матерясь, они вышли из повозки и дальше пошли пешком.

– В мэрию попадают только высоко квалифицированные сотрудники. Они оканчивают университеты и проходят практику на службе в государственных организациях. И мэрия отчитывается перед государем. А государь – перед Всеединым, чьи столпы ты наблюдаешь по всей стране.

– А в дозоре низко квалифицированные?

– Там другая квалификация.

– Мне мама в детстве читала религиозную литературу, но я, если честно, сам неверующий. Магия не от Всеединого. Магию я видел много, а Всеединого – ни разу.

– Чтобы служить в мэрии, я должен быть верующим. Не обязательно наблюдать Всеединого, достаточно просто верить и совершать ритуалы.

iii. Проспект, ведущий к ратуше

Шпиль ратуши нависал над ними. На тонкой игле, уходящей в небо, играли лучи солнца. Это было ослепительно красиво.

Лукаш начал уставать, он все сильнее переваливался на своих толстых ножках, хотя держал осанку и был в своем роде грациозен в движениях. Было видно, что идет не простой человек.

Клауса остановили снова. В этот раз спросили про лук. С какой целью он несет его в центр? Клаус показал письмо к сиру Гриигору. У Лукаша уточнили, все ли у него в порядке. Кажется, дозорный узнал его в лицо. Денег у Лукаша больше не было, так что он пробурчал, что все хорошо, залился краской и потащил Клауса подальше от дозорного. Дозорный остался раздосадован, что ему не перепало от барчука.

– Он что, денег от тебя ждал?

– Потому что я в компании с эльфом. Наверно, решил, что я ему заплачу, чтобы он папе не слил.

– Не слил что?

– Что я уехал и меня обратно привел эльф.

– Они что, настолько в курсе тут про все?

– Город маленький. Знатных людей мало, все всех знают.

– Я вот даже не знал, как тебя зовут. Знал только, что у мэра есть сын.

– Теперь же знаешь.

– Тот тифлингофил-алкаш не знает. Кому вы интересны.

– Всем, кто хочет переехать в столицу к своей возлюбленной и начать семейную жизнь. Мы есть путь. Нам на это дает право Всеединый.

– Вы не единственный путь.

– Но ты идешь к своей мечте через нас.

– Я сам торю свою тропу. Не получится с вами, найду другие варианты. (И не факт, что они тебе понравятся, – подумал Клаус уже про себя.)

Клаус часто бывал в центре. Тут было несколько таверн, где давали музыкальные концерты. Были скверы и общественные беседки, где они зависали с друзьями. Он завел пару друзей из университетской молодежи. Они его тоже принимали. Эльфийская гимназия в родном городе дала ему хорошее базовое образование. Клаус знал несколько языков, мог показать простые магические трюки, на спор попадал из лука в яблочко, а университетские только и могли, что болтать и веселиться. Иногда они над ним посмеивались, например, за то, что он “разговаривал немного провинциально”, но ему не было обидно, потому что он уже решил жениться на Алиине. Мелочи он мог простить и ей, и ее компании, и своим городским друзьям. Алиина тоже почему-то в него влюбилась. Наверное, потому что он был воин, а не слюнтявый бард. Не говоря уже об умниках, которых семейная жизнь вообще не интересовала. А может просто превратности судьбы.. Но она не понимала, что он совершенно точно не может в отношения на расстоянии.

– Почему именно, ну как... человеческая... девушка? Людейка, ты сказал. Почему ты не рассматриваешь эльфийку?

– Ну-у.. В детстве мама водила меня в театр и там была одна актриса – людейка, да. Она была светловолосая, стройная, и она умела танцевать на самых кончиках пальцев. Ее даже звали как-то похоже на мою Алиину. Аленна, типа того.

– Что она забыла в вашем городе?

– А что не так с нашим городом? Там вообще-то для своих очень хорошие условия. У всех свои усадьбы и угодья. Можно держать скотину, сколько хочешь. И не будет вонять на

всю округу. И потом какие-никакие учреждения есть. Даже столп Всеединого недалеко, магию хорошо ловит. Еще у нас знаменитые грязевые ванны и захоронения с древними начальниками.

– То-то ты сюда приехал.

– Когда я вырос, та актриса уже состарилась. Людейки очень быстро стареют. Да и родители все время говорили, что надо ехать в города людей. Слишком много стало черной магии в лесах. Столпы почти не помогают, плохо держат. А ты никогда не полюблял?

– Иногда ты разговариваешь как моя бабушка. Нет, я больше люблю учиться, книжки читать, вот в ДНД играем с друзьями. Им тоже отношения не интересны. У всех уже есть планы на карьеру. Сначала надо состояться в обществе, потом жениться. На нашем поколении будет большая ответственность. Вон сколько трудностей в мире. Про черную магию я не знал, но вот теперь, когда ты сказал, то я тоже об этом задумался. Мы довольно далеко на севере от столицы, нам придется самим давать отпор, если случится коллапс столпов. Говорят, такое уже бывало несколько раз в истории. Поэтому мы плохо помним, что было даже один век назад.

– Я тоже слышал. Это, вроде бы, называют старинным словом “блэкаут”.

Лукаш присел на лавочку и закурил какую-то странную тонкую сигарету. Сладкий дым напомнил Клаусу, что он с утра не ел.

– Ты иди уже дальше без меня, – сказал Лукаш. – Я реально устал. Сейчас отдохну и дойду до дома.

– Знаешь, что я тут подумал. Почему ты не приказал дозорному арестовать меня и забрать деньги?

Лукаш удивился.

– Из-за десяти золотых разводить скандал? Твои друзья со мной в один университет ходят. Да и мне уже не жалко этих денег. Я собирался их потратить на проверку гипотезы – я собрал сведения, значит, все прошло по плану. Но, спасибо, ты мне сейчас напомнил, чтобы того дозорного, который остановил тебя из-за лука, премировали за то, что он хорошо сделал свою работу.

– Они и так уже всех подряд останавливают ради этих премий.

Лукаш несогласно промолчал.

– Ладно, не-барчук, бывай!

И каждый отправился дальше своей дорогой.

Этим вечером Клаус в составе отряда из трех храбрецов получил исследовательскую миссию от сира Гриигора:

– Молодые люди, ваша миссия, если вы возьметесь за ее выполнение, заключается в том, чтобы отыскать копию древнего трактата: Марло Каркс, “Экономическое благоденствие”. В отличие от пересказа трактата Яном Ангелом, это есть самая точная копия бумажного атрефакта древних людей домагической эры. У вас эльф и волшебник умеют читать, если что, так что разберетесь, какая книга перед вами. (Светловолосая девушка усмехнулась на это замечание.) Может, что-то полезное для себя там вычитаете, но мне привезете книгу в полной сохранности. Копии делайте, если хотите. Эта книга все равно будет полезна только людям с высшим образованием, которые управляют хотя бы чем-нибудь.

– Отыскать – это найти? Тихо слямзил и ушел, называется нашел? – спросил Клаус.

– Отыскать в поселке городского типа под названием Бар-Айул, который расположен на Юго-Восточном тракте в ста лье отсюда. Книга хранится в локальной библиотеке. Город сделал запрос на то, чтобы книгу выслали, но уже год, как этот запрос не был исполнен. И вести из Бар-Айула поступают очень редко. Возможно, ПГТ захватили гоблины, убили всех местных и шлют нам отписки. А, возможно, администрация тайно перешла на сторону темных сил. Так что держите ухо востро и, если что, бегом сюда. Нам важны любые достоверные сведения о Бар-Айуле.

Вот в этом письме, скрепленном печатью мэра, разрешение на изъятие книги из библиотеки вашей командой. Отдадите его главному библиотекарю. Печать волшебная, так что нечаянно ее повредить невозможно, а при попытке взлома магией она уничтожит содержимое конверта. Так что бдите, иначе придется ехать в город за новым письмом.

Сир Гриигор протянул Клаусу, которого, видимо, посчитал за самого опытного или просто за главного в команде, конверт с тяжелой печатью из сургуча.

– А если книги просто нет в библиотеке? – спросил бородатый юноша, видимо, волшебник.

– Тогда ищите дальше, пока не найдете. Устройте расследование. Наши философы считают, что в ней есть ценные идеи о том, как вернуть страну на путь процветания. Для вас это не только корыстный интерес – плата за ваши услуги. Это надежда для молодых, что философы придумают, как обеспечить нам всем высокий уровень жизни на много поколений вперед!.. (Сир Гриигор пафосно взмахнул руками.) В любом случае командировочные я вам выдал, а зарплату получите, только когда привезете книгу.

Молодежь оглянулась друг на друга и промолчала, не соглашаясь, но и не возражая. Клаус зацепился взглядом за девушку. Хорошенькая, уже не в первый раз подумал он…

Через несколько дней на окраине, где высадился Лукаш, дозорные провели рейд. Мэр, допросив сына, сильно удивился тому, что местные ругаются на тифлингском наречии. Все тифлинги в городе должны иметь регистрацию и стоять на учете. В той части города, где побывал его сын, тифлингов вообще быть не должно. У них грязная магия, о которой мало известно, а их язык по щелчку вызывает дьяволов и прочую нечисть. А вдруг простой горожанин перепутает слова в наречии и вызовет какую-нибудь эпидемию? Поотрезать бы им всем языки, пусть жестами общаются.

Говорят, местные сначала никак не отреагировали на то, что дозорные стали ломиться в дом к их соседу. Ворота оказались крепкими, дозорные начали таранить их каким-то неподалеку найденным бревном. Лаяли собаки, друг на друга орали дозорные, стоял гул от ударов бревна. Потом их окликнул парень из дома напротив, мол, чего они так шумят, вечер уже. Они ответили очень грубо, можно сказать, унизили парня. Он в сердцах стрельнул в них из рогатки.. В общем слово за слово, действие за действие, началась потасовка. Там уже и бабы с детьми вступились за своих мужиков. Собаки тоже решили не оставаться в стороне. Дозорных гнали всем, что попалось под руку до улицы пошире. Среди толпы местных была замечена пара тифлингов.

Глава 2

i. Подготовка к походу

Бородатого волшебника звали Лютер, девушку – Лии-Анна. Они познакомились до прихода Клауса, в таверне. Хозяин таверны подсказал Клаусу, кто еще из посетителей ждет сира Гриигора; оказалось, Клаус пришел позже остальных.

Лютер не владел магией от рождения. Он был младшим сыном в столичной семье мелких торговцев. Его отдали в городскую школу-интернат для волшебников, чтобы он не мешался под ногами. Хотел ли он колдовать? Его не спросили. Лютер прилежно учился на четыре и иногда пять и попал по распределению сюда, на государственные исследовательские миссии, где должен отслужить несколько лет, чтобы окупить государству образовательные затраты.

Лии-Анна была местной. Ее родители жили на наследство и начали пить, когда она была совсем маленькой. Ее тоже отдали в интернат, но загородный, для знахарок. Пока она училась, родители насмерть угорели во сне – забыли потушить ритуальную свечу, и огонь попал на занавеску, но дом удалось спасти. Училась она плохо, все сдавала на минимальный проходной балл, но в итоге учебу завершила. Когда вернулась в город, то обнаружила, что дом нуждается в ремонте, а денег у нее нет. Соседи подсказали, как заработать честным трудом и вручили листовку с рекламой исследовательских миссий.

– Ребят, – спросил Клаус, – вы знаете хоть кого-нибудь, кто нормально заработал на этих миссиях?

– В интернате мне сказали, что сир Гриигор с них и начинал, – ответил Лютер, вытирая кофейную пену с усов. – Кто хорошо выполняет миссии, сам становится начальником и получает титул. Сир – это титулованный чиновник. Ему полагается пожизненная работа с оплатой в канцелярии и пенсия по выслуге лет.

– У знахарей тоже такое есть, – поддержала Лии-Анна. – Мне сказали, что через год службы я смогу взять частную практику и сама принимать больных.

– Забей и лечи без лицензии, – возразил Клаус.

– А если дозорные узнают? Я живу одна, у меня никого нет. Родители не оставили мне никаких сведений даже о близких родственниках.

– Сделай запрос к Всеединому. Он должен знать, какого ты роду-племени.

– Я делала запрос. Ничего. Нет данных.

– Может, кто-то нарочно удалил?

– Или какой-то из столпов коллапсировал в очередной раз, – встрял Лютер. – Это бывает чаще, чем все думают. Просто тотального блэкаута давно не было.

Повисла тревожная пауза.

– Это из-за черной магии? – спросил Клаус. – Вам, волшебникам, разрешено про это говорить?

– Ну, в личной беседе мы можем вот так пообсуждать. Но никаких формальных комментариев мы не даем.

– А ты из какой семьи, Клаус? – спросила Лии-Анна.

– Вообще, у меня мама – учительница, а папа…

Тут их окликнул сир Гриигор…

Командировочных оказалось по сто золотых на каждого, плюс им дали три лошади и сопроводительные письма для бесплатного обслуживания в “ямах” – постоялых дворах для всадников и конных повозок в населенных пунктах, которые они будут проезжать. В школах

учили, как управлять лошадью и как за ней ухаживать, так что вопросов это не вызвало. Но Юго-Восточный тракт не очень богат на поселения. Как им ночевать в лесах и пустошах? Оказалось, что за это отвечает Клаус, так как он указал навыки выживания в своей анкете. Весь опыт Клауса на деле сводился к выездам на охоту и рыбалку с родственниками, но Клаус решил не мутить воду и заверил всех, что он берет лесные ночевки на себя.

Так как вечер был поздний, ребята сняли по комнате в таверне и весь следующий день посвятили планированию похода и закупкам. Ехать им предстояло примерно двадцать дней. На всем пути ямы почти всегда будут раз в день – в них можно сменить лошадей и переночевать. Решили сделать две большие остановки в крупных городах на пути в Бар-Айул: Пириме и Оссенбурге, оба – миллионники и важные торговые узлы. Ночевок в диких условиях будет тоже всего две, причем первая предстояла уже через день. Для долгих привалов и ночевок взяли хорошую зимнюю палатку, спальные мешки, консервы, крупу, сухое печенье и воду, треногу и посуду для костра, мыльно-рыльные принадлежности, лопатку для импровизированного туалета. Отдельно позаботились о безопасности. Лютер оказался вообще без боевого опыта, у Лии-Анны только ускоренные курсы самообороны. Взяли магические пугачи от животных и нечисти, Лютер повторил заклинания оглушения и укрытия от врагов. Странно, что Лютера пустили в такой поход, думал Клаус: он же совсем белоручка, ему бы в канцелярию. Неужели, мама с папой из столицы не смогли как-то повлиять на то, в какую миссию отправляют их сына?

Из личных вещей у каждого был мешок с барахлом килограммов на пять веса. У Клауса – легкое оружие и приспособления для походов: какие-то ремни, крючки, рыболовные снасти и даже самонадувная лодка, которая помещалась в мешок размером с обычный кошелек. У Лии-Анны – лекарства, записи ритуалов и странные артефакты, которые то ли вставляются внутрь в разные щели, то ли вшиваются под кожу. У Лютера – кейсы с приспособлениями для связи со Всеединым, тайного зрения и слуха, мыслительного вдохновения и других разрешенных для профессиональной деятельности магических трюков. Он четко соблюдал закон и пользовался только белой магией в рамках устава.

Что могло пойти не так? Опасались диких животных, особенно рыси и медведя, плохой погоды и черной магии в местах, далеких от поселений. Решили проезжать их как можно быстрее. До Пирима будет тяжеловато. Леса и пустоши, пустоши и леса. Погода стоит грязная, слякотная. Скоро ляжет снег, станет посуше, но и холоднее. Путников мало, никто в такую погоду особо не ездит. Но за Пиримом тракт в Оссенбург будет наоборот многолюдным, можно ехать не спеша, делать частые остановки. После Оссенбурга снова нужно гнать коней. Там уже и холода могут ударить. Про обратную дорогу вообще не думали. Хорошо, если встретят Новый год в Оссенбурге, но, если зима будет очень холодной, придется прожить в Бар-Айуле месяц-другой.

Переночевали еще одну ночь в таверне, на следующее утро совершили ритуал на удачу и выехали из города. До первой ямы было всего пять лье.

ii. Лесная стоянка

Выезжали в хорошем настроении, предвкушая приключения вроде новых знакомств или покупки редких амулетов. Сначала ехать верхом по тракту было весело. Много болтали. Пару раз устроили соревнования наперегонки. Выиграл Клаус; хуже всех умел ездить Лютер. Для обеда подыскали у обочины подходящую поляну с бревнами и кострищем. Сварили кашу с мясом, заварили сладкий чай. Посидели час и снова поехали. Тут уже стало понятно, что ехать вот так еще девятнадцать дней будет довольно скучно и тяжело. Ноги и руки начали деревенеть, в разных местах болели мышцы, как будто там наставили синяков. Обед, еще до конца не переварившийся, просил более длительного отдыха. Казалось, только лошади, привычные к дальним поездкам, вообще не замечали усталости и не скучали. Остановились на перекур. Никто из них не курил, поэтому решили выпить еще чаю. Лии-Анна нашла какую-то хвою, которая придала чаю уютный аромат и горьковатый бодрящий привкус. Поехали дальше. В сумерках добрались до первой ямы. Оставили хозяину ямы лошадей, заселились – каждому нашлось по отдельной комнате – и тут же уснули.

Утром купили горячий завтрак, поели. Лии-Анна дала мазь от ломоты в мышцах. Намазались, взбодрились. Навьючили на новых лошадей по мешку сена, с неохотой вскарабкались и поехали дальше по тракту. Было тревожно – предстояло первый раз ночевать в лесу. Решили, что, если будет холодно или страшно, пойдут по тракту и ночью, чтобы быстрей добраться до следующей ямы.

День в дороге прошел без приключений. Погода стояла сухая. На ночлег выбрали место, которое было обозначено на картах как стоянка между ямами. Поляна недалеко от тракта, окруженная соснами. На поляне место для палаток, кострище, вокруг навалены пни и стволы деревьев, чтобы сидеть у костра. Недалеко ручей с ключевой водой, стекавшей с небольшой одинокой горы, которую за соснами было не видать. В каком-то смысле идиллия.

Сначала напоили и накормили лошадей, привязали их к дереву. Собрали хворост и пару толстых веток для костра. Клаус принялся расставлять палатку, Лии-Анна пошла за водой, Лютер занялся костром – пытался кастануть в хворост огненный шар, но выходило так себе. В конце концов хворост все-таки начал дымиться и потрескивать. Нечаянно вдохнув едкий дым, Лютер закашлялся и отсел от костра подальше, чтобы продышаться. Тут он заметил, что на него со стороны тракта идет человек. Сначала Лютер подумал, что это кто-то из своих, но понял по массивной фигуре и одеянию, что это, скорее, заблудший воин или разбойник. Решив не паниковать раньше времени, Лютер громко спросил: “Эй, вы кто?” Человек продолжил идти на него, даже заторопился. Тогда Лютер передумал и решил паниковать: вскочил на ноги и кастанул в незнакомца небольшой огненный шар. Перед тем, как удариться о кожаный доспех на груди, шар осветил мясистое лицо и недобрый взгляд. Лютер крикнул: “Лии-Анна, Клаус, здесь опасный чужак!” (волшебников низкого уровня, как Лютер, инструктируют самим в драки не соваться, но по возможности предупреждать остальных; если в отряде есть воин, он должен взять оборону на себя) и побежал к лесу. Человек побежал за ним, догнал у самых сосен и схватил за копну длинных каштановых волос. Он дернул за волосы со всей силы, и Лютер повалился на спину, выставив руки вперед, чтобы защититься от удара. “Что вам от меня надо?” – закричал он. Человек пнул его по руке, прыгнул сверху, сдавил коленями грудь и, обхватив шею, начал душить. Лютер молотил руками, брыкался и пытался выкрутиться, но ничего не помогало. Кричать он больше не мог. Лицо начало синеть, силы покидали его, но тут мерзлая земля немного раздвинулась под весом двух тел, пальцы чужака увязли в слякоти и начали скользить, воздух тонкой струйкой стал опять заходить в легкие. Человек навалился сильнее, но только сильнее вдавил Лютера в грунт. Он зарычал от злости и достал топор.

Вдруг мимо пролетела стрела Клауса. Потом вторая. Она должна была попасть прямо в плечо, но отскочила, как будто оно было каменное. Человек обернулся и с топором пошел на Клауса. Клаус прицелился в лицо, но стрела отскочила и от него. Тогда Клаус собрал остатки храбрости, достал топор и приблизился, решив попробовать ближний бой. Противник, увидев, что перед ним мальчишка, как-то зло улыбнулся и подставил Клаусу руку, мол на, бей. Клаус раньше не бил людей настоящим топором. Он сделал удар, как учили в школе, и понял, что рука защищена магией так же, как и от стрел. Топор как будто скользнул по невидимой поверхности, не задев человека. Чужак первым же ударом выбил у Клауса топор из рук и замахнулся своим. Клаус попятился назад, но запнулся о бревно и повалился на спину, как давеча Лютер. Лезвие скользнуло по ноге и рассекло край сапога, задев стопу. Из прорези в сапоге засочилась кровь. Клаус не стал ждать наскока, быстро вскочил и дернул к деревьям. Тут он увидел, как яркая вспышка осветила стволы перед ним. Раздался грохот, как будто рядом с огромной высоты упал валун и раскололся. У Клауса зашумело в затылке, потом по всей голове, но на ватных ногах он продолжил бежать к деревьям.

Тут его схватила Лии-Анна. Она затянула его за ближайшую сосну и сунула в рот какую-то конфету. Прочитав заклинание, она досчитала до пяти, и Клаус начал приходить в себя. Шум в голове исчез, нога перестала саднить, даже страх куда-то подевался. “Я кинула в него пугач от медведей”, – сказала Лии-Анна. “Смотри, кажется, его оглушило”. Чужак действительно стоял посреди поляны и не двигался какое-то время, потом взялся одной рукой за голову, а руку с топором безвольно опустил. “Забери его топор. Он, скорее всего, проходит через магический экран”. Клаус под действием конфеты потерял всякий страх и критическое мышление, побежал к чужаку и вырвал топор из рук. Лии-Анна крикнула: “Ударь его по голове со всей силы!” Клаус взял топор в обе руки, замахнулся и пробил лоб прямо посередине. Лезвие глубоко засело в голове, виднелся только обух. Человек смотрел немигающими глазами куда-то вдаль, все не мог сообразить, что умер. Время для Клауса замерло, а потом снова пошло. Чужак закачался и упал на спину с глухим звуком, как будто на землю швырнули мешок картошки. От этого звука Клаусу стало жутко. Дрожь пробежала по телу, подступила и тут же отпустила тошнота. Он сначала в ступоре стоял и смотрел, как мертвое тело разложило себя на мерзлой земле и больше не шевелилось, а потом осел на землю прямо перед ним, вытянув ноги вперед, как будто после долгого дня на стройке. В произошедшее не верилось. “Извини, братишка”, – почему-то вырвалось у Клауса. Тут он увидел свой рассеченный сапог, и ему стало очень жалко сапог и себя. Он закрыл лицо руками и заплакал.

Лии-Анна подбежала к Лютеру. Он уже пришел в себя и смог самостоятельно подняться на ноги. Она подвела его к костру и усадила смотреть на огонь. Рядом пристроила Клауса. Из своих пожитков она достала ритуальную свечу, вытащила топор из головы чужака, закрыла ему глаза, обыскала его карманы, забрав все ценное. Сложила ему руки на груди, завязала руки и ноги накрепко веревкой на случай, если умерший решит восстать, и прочитала ритуальную молитву за упокой. В отличие от своих спутников трупы она часто видела в школе, в том числе с топорами в голове.

Лютер заколдовал туалетную лопатку, чтобы вырыть могилу на краю поляны. На глубине в полметра лопатка наткнулась на чьи-то кости. Видимо, тут часто разбойничают… Вдвоем с Лии-Анной они уложили чужака в могилу, на грудь положили тяжелый камень, найденный неподалеку, и закопали могилу как следует. Лютер попытался кастануть венок из веток, но получилось какое-то гнездо глухаря. Они вернулись к костру и неподвижно сидевшему Клаусу. Клаус отогнал Лии-Анну, которая хотела лечить ему ногу, и забинтовал ее сам. Попытались обсудить, откуда взялся этот мужик и будут ли у них еще мужики этой ночью, но поняли, что сил ни у кого нет. Решили нести дозор. Первыми спать пошли Лютер и Клаус, как самые пострадавшие. Лии-Анна осталась на стреме.

iii. Перегон до следующей ямы

Утром сели вокруг костра держать совет. Первым заговорил Клаус.

– Всю дорогу у меня было неприятное чувство, что эти миссии – это какая-то замануха и подстава. Какая, черт подери, книга? Какое экономическое благоденствие? Посылать нас втроем без нормального опыта в такую даль за непонятно чем!.. Предлагаю вернуться домой. Нам один день до ямы – будем ехать без остановок. И на следующий день тоже. Черт с ней, с этой тысячей золотых! Найдем нормальную работу в городе.

– Я не могу возвращаться, – ответил сиплым голосом Лютер. – Мне нужно оплатить обучение. Если я сейчас выйду из игры, то родителям придется раскошелиться. А у них дела идут не очень. Ты же сам слышал, страна в экономическом упадке. Даже в столице никто ничего не покупает.

– У меня тоже нет особо интересных вариантов, кроме этого, – подхватила Лии-Анна. – Мне нужно открыть частную практику. Где я еще деньги возьму? Работы в городе нет. Ты иди, Клаус, возвращайся один. У тебя не такая сложная ситуация, как у нас с Лютером.

– Да что ты знаешь про мою ситуацию! Я человека убил из-за своей ситуации!

– Объясни, что ты вообще поперся в этот поход?

Клаус рассказал про невесту, о которой до этого почему-то молчал.

– И это нормально, по-твоему, что ее семья ради денег на свадьбу отправила тебя в исследовательские миссии?

– Может, они сами не знали, что тут все так. На людных трактах, где они ездят, нет ни разбойников, ни лесных ночевок. Говорят, там даже самовозки разрешены.

– Я тоже слышал про самовозки на трактах, – подтвердил Лютер. – В столице-то их полно. Есть даже летающие. Слушай, ну, получается, если ты сейчас вернешься, то уже не сможешь жениться на той девушке.

– Получается, что найду другую девушку, – ответил Клаус и искоса глянул на Лии-Анну. – Почему этот мужик на нас напал? Вы смотрели его вещи? Что при нем было?

– Деньги были. Довольно большие. Пятьдесят золотых монет. Мы с Лютером их положили в общак. Еще из ценного – кольцо с алмазом. Остальное – это всякая мелочь: ножик, табак, какие-то бумажки с непонятными письменами. Лютер не смог их прочесть. Возможно, это черное заклинание для экрана, который ты не мог пробить своим оружием.

– Зачем ему нас убивать, если у него и так нормально было с деньгами?

– Мы с Лютером думаем, что его наняли нас убить, а деньги – это предоплата…

– Ах, вы с Лютером думаете, ага… Еще скажите, что мы кому-то конкуренты в поиске книги про экономическое благополучие.

– Благоденствие. Кто его знает, что там за книга. Почему ее не прислали из библиотеки, так что пришлось собирать миссию? Слушай, Клаус, у меня есть чай успокоительный. Может, тебе дать его?

– Это как та конфета, от которой я твои указания начал слушать и человека убил?

– Если бы ты его не убил, он бы убил тебя, меня и Лютера.

– Зачем ты сказала бить его по голове топором?

– Это первое, что я успела сообразить.

Клаус засопел и молча пошел собираться. Когда они выехали со своей ночной стоянки, Клаус все-таки поехал следом за Лютером и Лии-Анной.

До следующей ямы они добрались без приключений.

Тем вечером в наглухо закрытом доме, который достался в наследство Лии-Анне, в кухне вдруг зашевелились занавески, будто откуда-то пошел сквозняк. На столе появилась ритуаль-

ная свеча, вспыхнуло пламя. Некоторое время оно колебалось вместе с занавесками, но вдруг потухло, так и не дотянувшись до них. Свеча исчезла. Сквозняк тут же пропал.

Глава 3

i. Первая ночь в Пириме

До Пирима была всего пара дней ходу. Клаус страдал от содеянного, но команда его всячески поддерживала и не давала впасть в уныние:

– А вдруг у него была семья, и он вынужден был на нас напасть, чтобы прокормить своих маленьких детей? – спрашивал Клаус.

Лии-Анна ответствовала:

– Если ему не хватало еды и одежды, то мог дойти до ближайшего поселка и взять там все, что нужно. Гуманитарка у нас пока бесплатная для всех желающих. Последний раз, чтобы человек умер от голода или холода, на моей памяти был примерно никогда.

– А если у него дети болеют чем-то серьезным?

– Многие редкие младенческие и старческие болезни пока не лечатся, особенно душевные, так что люди в ближайшие века, скорее всего, останутся смертными, независимо от достатка. И все же, если его дети болеют, то они получат лечение у любого знахаря. Государство это тоже обеспечивает. Деньги тут мало чем могут помочь.

– А что если он нас с кем-то перепутал?

– Какая разница. Он не спрашивал нас, кто мы. Просто шел убивать.

– Может, ему запрещен вход в поселения, – продолжал Клаус.

Лютер ответствовал:

– Я сделал запрос к Всеединому. Он был беглый заключенный. Сидел за наемничество и разбой. Вход в поселения ему не то, что не запрещен, а обязателен раз в месяц. Он должен был отмечаться у должностных лиц и проходить программу психологической реабилитации, но несколько лет не появлялся. Его подали в розыск, так как, скорее всего, он снова занялся разбоем.

– А дети-то у него были?

– Всеединый не уточнил.

– Мы могли не убивать его, а просто оглушить и отвезти в ближайшее поселение.

– Но мы же не знали, что у него настолько эргономичный топор и настолько его экран не защищен от этого топора, что даже ускоряет его. Мы не успели сообразить, как поступить лучше. Это была череда неудачных совпадений. У черной магии есть как плюсы, так и минусы для того, кто решает с ней иметь дело. Я потому только белую магию и использую – она хорошо изучена и не повернется против меня.

– Теперь меня будут судить за убийство.

– Всеединый уже рассмотрел твое дело и оправдал тебя на том основании, что это была необходимая самооборона. Но ты пока на испытательном периоде, так что постарайся больше никого не убивать ближайший год.

– Ладно, я буду вас науськивать и подкладывать вам неизвестное оружие в руки, чтобы вы убивали окружающих вместо меня.

Они посмеялись и продолжили путь. Мазь Лии-Анны действовала волшебным образом, никто уже не чувствовал тяжести от конных поездок. Природа по сторонам радовала глаз: хвойные и лиственные леса под первым снегом, долины под ярко голубым небом, какое бывает только осенью, изредка вдали виднелись горные хребты, а под мостами сияли на солнце скованные тонким льдом речушки. Тракт по ночам не освещался, поэтому старались выезжать рано утром и успевать до ямы в сумерках. Зато дорога поддерживалась в хорошем состоянии: грунт под ногами был очень плотным, над реками везде каменные мосты, дождь быстро стекал

с дороги вместе с пылью и палой листвой, снег на ней таял даже зимой, оставляя дорогу чистой. Лютер по мере сил убирал с дороги крупный мусор – так предписывала инструкция любому волшебнику, оказавшемуся на тракте. Один раз переходили очень широкую реку, вдали она разлилась будто море, до самого горизонта. Над рекой был сооружен мост с высокими колоннами; его поставили несколько сотен лет назад, когда Всеединый еще не мог полноценно двигать материю. Как древние сумели воздвигнуть такое сооружение, оставалось загадкой. Не вручную же они эти столбы катили по земле. Всеединый тоже не помнил. Лютер сказал, что сегодня такой мост могут воздвигнуть всего три волшебника среднего уровня или один супермаг. Раз в год пара волшебников проходят весь тракт пешком и своей магией чинят покрытие и мосты.

В поселениях не задерживались, меняли коней и ночевали в ямах, затем сразу в путь. В общем, шли по плану. Предстояла большая стоянка в Пириме. Решили провести там два дня, походить по рынку, посмотреть местные достопримечательности.

К Пириму подъезжали в сумерках – город было видно издалека, как будто огромный сияющий столб тянется прямо в небо. Граница города никак не была обозначена, кроме таблички у дороги “Добро пожаловать в Пирим!”, но они понимали, что город от злых чар защищает белая магия. Ехали не спеша, осматривались. По сторонам потянулись вереницы одно- и двухэтажных домов с газонами и коваными решетками вместо заборов. Улицы были ровно освещены энергосберегающими фонарями. Попадались разные лавочки: булочные, аптеки, магазины одежды, канцелярия. Везде были пешеходы, всадники и повозки. В этом городе даже окраина жила активной городской жизнью.

Тут над ними пролетела стальная птица с большим брюхом. Лютер сказал:

– Это доставщик продуктов. В столице такие тоже развозят покупки. Они разрешены только под белыми магическими щитами, так как черные маги легко могут взять над ними контроль и использовать как оружие.

– То есть в Пириме черная магия не работает? – спросил Клаус.

– Официально – нет, но, кто учится на волшебников, знают, что черная магия может проникнуть везде. Ее смысл в том, чтобы подтачивать белую, искать уязвимости и использовать их в личных интересах. В Пириме очень много белых магов, поэтому, если что-то пойдет не так,

они быстро заметят и исправят. Но иногда все равно что-то идет не так. Мы как будто все время боремся с черной магией, и днем, и ночью. Если мы остановимся, то смысла в человеческих городах больше не будет. Сломается все: образование, медицина, наука, культура, управление, производство товаров и магических артефактов. Щит от черной магии – это по сути много белых магов, которые находятся рядом и, если что-то приключится, почувствуют и быстро купируют запрещенное волшебство.

– Зачем черные маги пытаются разрушить города?

– Они не в города целятся, а решают свои отдельные задачи. Вот самовозки они атакуют, чтобы возить на них, все что им пожелается, так как сами не могут произвести целую самовозку. Черная магия не созидательна. А когда они хакнули магические телепорты, то использовали их, чтобы создавать умертвия. Перенося живое существо, они убивают душу и подменяют ее суррогатом из собственных мрачных желаний. Умертвие в итоге может, например, только есть или драться или еще какие-то отдельные простейшие функции выполнять. И ничто, и никто его не может остановить. Приходится ему голову отрубать, чтобы она перестала диктовать телу темные поступки.

– Зачем черные маги так поступают?

– Это еще издревле тянется. Их предки сделали такой выбор.

– Какой такой выбор? Что они конкретно выбрали?

– Нам в школах не говорят. Как я понял, учителя и сами не знают, а Всеединый молчит. Черные маги понимают, что без белых им не прожить, поэтому воруют по чуть-чуть. Но из-за них многие заклинания запрещены, так как захват некоторых артефактов может привести к глобальной катастрофе. Столпы коллапсируют как раз, когда черные маги переходят грань дозволенного.

– Кто запрещает заклинания? Всеединый?

– Нет, форум магов и волшебников. Мы связываемся со Всеединым, рассказываем, как то или иное заклятье нанесло вред. Он ставит в известность всех, у кого есть лицензия на запрет, идет обсуждение, потом голосование.

– На что похоже, когда ты связываешься со Всеединым? Снаружи это выглядит, как будто ты отключился.

– Я как будто глубоко погружаюсь в мир мыслей, но там не только мои мысли. Там есть навигация, в этом мире, и ей обучают в школе. Рожденные магами умеют подключаться без обучения; у них так мозг устроен, что они постоянно в двух мирах – реальном и магическом. А меня обучали магии, поэтому я называюсь волшебник.

– То есть Всеединый получает доступ ко всем твоим мыслям?

– Не совсем. Всеединый даже если бы и забрался мне в голову, то ему бы пришлось долго в ней разбираться. У каждого в голове своя система, как укладывать информацию. Поэтому мне приходится усилием оформлять из моих мыслей что-то вроде отчета и направлять ему. Это бывает очень муторно, особенно если нужно посчитать или привести точные факты. А воспоминания о событиях, как, например, то нападение, приходится прокручивать в голове во всех подробностях и как бы зарисовывать сцена за сценой, как в спектакле. Иногда важно вспомнить запах или звук или какую-то очень мелкую деталь. Это так перегружает мозги, что я готов пить кофе литрами, чтобы взбодриться после сеансов связи. А он еще может прислать запрос на дополнительные сведения. Вот, вспомни-ка, Лютер, была ли на сосне белочка, когда тебя душил разбойник.

– Почему ты не можешь накастовать предметы из воздуха? Еду, одежду… даже золотые монеты, чтобы оплатить обучение.

– Конкретно мне это запрещено, но я умею. В каждом городе есть лицензии только у нескольких магов, чтобы они могли снабдить город всем минимально необходимым. Если создавать много вещей, то они просто будут валяться везде без дела. В магическом мире это

считается нерациональным. С золотом то же самое. Оно перестанет цениться, и Всеединому придется придумывать новые деньги. Так что, если я нарушу запрет, меня посадят в тюрьму, а все, что я создал, буквально будет уничтожено. Это настоящее преступление. Не то, что самооборона от бандитов!..

Тут они увидели табличку, что перед ними яма. Это был длинный двухэтажный кирпичный дом, покрытый приглушенной желтой краской, с керамической черепицей, просторным двором и большой конюшней. По краям от входа в стальных вазонах горел живой огонь. На первом этаже была таверна с залом на двадцать столов и квартира хозяина. На втором – гостиница. Они расположились в отдельных номерах, приняли ванну и спустились к ужину.

Горячий ужин был очень кстати. В зале горел камин. В какой-то момент на небольшой сцене появились музыканты. Зал к этому времени наполнился людьми, эльфами, тифлингами и еще какими-то непонятными существами. Музыка играла веселая, кто-то пританцовывал. К ужину подавали пиво, и хозяин лично ходил и убеждал всех попробовать его “фирменный эль”. Лютер зарекся пить в походе, Лии-Анна вообще плохо относилась к алкоголю, а вот Клаус свое выпил и повеселел. За столом он задержался позже своих товарищей и, когда пошел к себе, то ли нечаянно, то ли по какому-то глубоко засевшему в голове хитрому плану перепутал двери и зашел к Лии-Анне. Возможно, у нее в голове тоже был глубоко засевший план, а, возможно, тоже вышло нечаянно, что дверь она не заперла. Так что Клаус вошел беспрепятственно, сказал “Здрасьте!” и дальше растерялся. “Дверь-то закрой за собой и не стой в проходе”, сердито сказала она.

Клаус обрадовался, осторожно закрыл дверь, чтобы не шуметь на весь коридор, и, повернувшись к Лии-Анне не нашел ничего лучшего, как стянуть с себя рубаху. “Смотри, у меня вот тут кубики на прессе! И вот бицуха!” Она засмеялась, лицо у нее было довольное.

Лии-Анна подошла к Клаусу и обняла его за талию, а потом поцеловала в губы. Он ответил ей, и, когда их языки немного соприкоснулись, то в голове у него зашумело, и он подтолкнул ее к кровати. В тесных номерах в ямах кровати часто ставили вдоль стены, так что изголо-

вье было под самым окном, если окно, конечно, было. В Пириме им повезло, и все номера были с окнами, широкими кроватями, стоявшими изголовьем к стене, и даже собственными ванными комнатами. “Я не умею раздевать мужчин”, – сообщил он, пытаясь расстегнуть ремень на ее штанах, – “давай сама”. Когда она тоже сняла рубаху, Клаус заметил пухлые складочки на животе и что тело стягивает довольно плотный спортивный лиф, но грудь все равно пытается из него убежать. Клаусу почему-то вспомнился Лукаш. “Ты пухлявее, чем выглядела в одежде”, – “А ты после пива болтаешь без остановки”.

Оставшись без одежды и постояв немного, целуясь и обнимаясь, они наконец легли на кровать, которая, к общему сожалению, оказалась скрипучей. “Соседям придется потерпеть”, – “Ничего, мы недолго. Надень резинку, Клаус”. Клаус посопротивлялся необходимости предохраняться (“Это же скучно!”), но Лии-Анна сказала не выпендриваться, и он послушался. Она легла на спину, Клаус аккуратно пристроился сверху. Она обхватила его руками и ногами и сказала, что он может ее не ждать, так как свое удовольствие она получает по-другому. Клаус решил все-таки порастягивать время, но выпитое пиво отдалось изжогой, поэтому он забылся и двигался внутри нее, как ему хотелось. Лии-Анна двигалась в ответ, по ее лицу он понял, что ей тоже приятно.

Когда он кончил, то устроился рядом и хотел было задремать, но опять накатили мысли. “Давай, говори, как тебе сделать приятно?” Она положила его руку себе на грудь и показала, как нужно ее трогать, но тут у Клауса не задалось. То он слишком резко дергал, то наоборот слишком легко касался. Дальше ему в рот опять положили конфетку. Лии-Анна двигала его руками, иногда объясняла словами, и тут ему вспомнилась веселая мелодия, которую он с мамой разучивал в детстве на пианино. Клаус принялся наигрывать эту мелодию своими пальцами, и Лии-Анна забыла им руководить. Он смотрел в ее расширенные зрачки и слышал, как она дышит все чаще…

Клаус остался доволен проделанной работой. Пиво наконец попросилось быть отлитым, и после туалета он решил переночевать у Лии-Анны. Она была не против. Свернувшись калачиком, Клаус уснул у нее под боком.

ii. Письмо пропало

Наутро, заходя к себе в комнату, которая, он точно помнил, была заперта, Клаус увидел, что замок сломан и его вещи лежат в беспорядке. Первым делом он попытался найти письмо к библиотекарю и не смог. Он кинулся к Лютеру. Пришлось объяснять, где он был ночью. Решив не будить пока Лии-Анну, они обыскали все уголки. Письма нигде не было. Остальные вещи, вроде бы, были на месте.

Лютер вышел на связь со Всеединым – может, кто-то что-то видел этой ночью? Оказалось, в номер вломился тифлинг с характерными приметами: красный кафтан, синие туфли, зеленые рога. Последний раз этого тифлинга видели выходящим из города в сторону богатой усадьбы, которая славилась своим эксцентричным хозяином. Ходили слухи, что хозяин усадьбы как-то связан с черной магией, но доказать никто ничего не мог.

Лютер и Клаус снова оставили Лии-Анну на стреме: в гостинице сторожить вещи и ждать, не появятся ли новые вести о пропаже; а сами отправились в усадьбу пешком. Идти было всего полчаса по широкой лесной тропе. Тропа вывела на узкий крутой спуск к озеру, справа от них стояло красивое двухэтажное здание с панорамными окнами и элегантной деревянной террасой. Лютер и Клаус подошли ко входу и позвонили в дверной колокольчик на витиеватой ножке из бронзы. Дверь открыла невысокая полная женщина с добрым лицом: “Проходите, гости дорогие, хозяин вас ждет!” Не чувствуя подвоха, они стали заходить в дом, и тут Клаус понял, что Лютер исчез. Ступив через порог, он то ли не услышал его шагов за собой, то ли просто включилась интуиция. Клаус обернулся вокруг себя, выглянул за дверь на улицу, позвал “Лютер!” и ничего. Женщина втянула его обратно в дом.

– Да не суетись ты так! Волшебам сюда нельзя. Срисуют, как мы живем, будут Всеединому отчетики клепать.

– Куда делся Лютер? Куда ВЫ дели Лютера? – Клаус повысил голос.

– Он нигде. Это ничего страшного. Он вернется, как только хозяин с тобой договорит и ты отсюда выйдешь. Но тебе придется ему пересказать, что хозяин предложит.

– Как это нигде? Не в воздухе же он растворился.

– Он ничего не почувствует. Мы просто взяли немного времени от его жизни. Один час – у тебя есть один час, и вы с Лютером покинете наш дом.

Женщина повела Клауса через просторный холл к лестнице на второй этаж. Первая дверь в коридоре наверху вела в роскошный кабинет с мебелью из красного дерева, обитыми зеленым бархатом креслами, книжными шкафами по стенам и телескопом, который смотрел в панорамное окно во всю стену. На столике напротив камина тикали большие золотые часы с механизмом. Вид открывался не только на озеро, но и на холмистые долины, которые, как оказалось, простирались в низинах за лесом. День выдался пасмурный. В долинах стоял туман, снег опять решил весь стаять. Но камин в кабинете горел и наполнял комнату уютом и спокойствием.

– Жди здесь, можешь присесть у камина. Хозяин сейчас подойдет.

Клаус решил не выкобениваться. Сел к камину и протянул руки к огню – настоящий, не магический огонь грел и немного тянул дымком.

Первым в кабинет зашел, видимо, хозяин дома: невысокий брюнет с сильной проседью и сонными глазами. За ним шли грузный величавый маг, какой-то манерный красавец и тот самый тифлинг, который утащил письмо.

– Меня зовут Виктор. Я профессор магии высшего уровня. Вы, как я понимаю, белый эльф Клаус?

Хозяин дома протянул руку Клаусу, как равному себе. Клаус ее пожал.

– Позвольте представить моих коллег. Это Рудольф, он – черный маг, не пугайтесь; и по совместительству моя правая рука. А это Дэмиен – тоже черный маг, наполовину черный эльф. Его можете бояться. И Таня, она – тифлинг.

Клаус слегка удивился, поняв, что тифлинг – девочка. Он мало знал об этой расе. К тому же все они невысокие и одеты почти одинаково странно.

– Мы хотим с вами побеседовать, Клаус.

– О чем же?

– О вашей миссии, конечно.

Первым допрос начал Рудольф. Он расположился в кресле напротив Клауса, вытянув ноги в вязаных тапочках, и начал спрашивать Клауса о семье, зачем он пошел в исследовательские миссии, как себя чувствует после убийства (“Откуда он знает?” – подумал Клаус) и будет ли говорить невесте, что встретил другую (“Да откуда он все знает-то?”). Все время допроса у Рудольфа было сочувствующее выражение на лице, как будто он понимал, какой тяжелый груз решений лежит на Клаусе.

Дэмиен (голос у него тоже оказался манерный, а смотрел он сверху вниз, как будто Клаус не совсем заслуживал того, чтобы с ним говорить) попросил Клауса дать покопаться в его памяти. Клаус был против, но в следующее мгновение он увидел, что кабинет как будто немного изменился: все переменили позу, хозяин пересел в другое кресло, а золотые часы

натикали вперед примерно с полчаса. Голова внутри как будто только что горела, и ее залили пеной, по рукам и ногам ползла мелкая дрожь.

– С вашего позволения мои соратники покинут нас, – произнес Виктор. – Дальше мы обсудим наши дела вдвоем.

Рудольф, Дэмиен и Таня вышли.

– Дорогой Клаус, мои коллеги считают вас безобидным и очень полезным белым эльфом. Мы хотим пригласить вас к сотрудничеству.

– Смешно, – ответил Клаус. – Черные маги и я, сотрудники, да… Хотите мне жизнь испортить?

– Уважаемый Клаус, я вам ее спасаю. Но это только побочное следствие от той пользы, которую вы можете принести. Позвольте, я вам немного объясню, как устроен мир. Не весь, конечно же. (Виктор устало улыбнулся.) Скажу только то, что вам нужно знать, чтобы дать себе шанс на жизнь после этой миссии, в которую вы так глупо ввязались.

Клаус почему-то про себя отметил, что у Виктора, несмотря на весь его вкус к темным аристократам и дорогим вещам, нос – картошкой.

– В управлении городами, если отодвинуть занавес, которым все старательно прикрываются, идет постоянная борьба за власть. Всеединый, который должен быть силой, уравновешивающей всех, сам стал частью этой борьбы. Нет, не подумайте, что ему, как сущности бестелесной, есть дело до этих дрязг. Но после череды блэкаутов и частичных коллапсов он потерял смысл существования, а мэры, маги и волшебники верхнего уровня крутят им, как хотят, допуская к нему только проверенных людей, которые говорят ему то, что нужно властям, или, как минимум, им не вредит. Белых магов и волшебников обучают в таких спецучреждениях, куда ни одна свободная мысль не заходит. Муштруют, промывают мозги. В университеты принимают только самых идеологически верных. Остальные, как вы и ваша мадемуазель, до важной информации не допускаются. Только школа и навыки в паре профессий. В библиотеках – только информационно безопасная литература. Самовозки на большинстве трактов запретили, чтобы никто никуда не ездил. Мгновенные дистанционные сообщения – только через Всеединого.

– Самовозки запретили из-за черных магов, – перебил Клаус.

– Частично, да, но это было на руку и белым. Черные маги не все одинаково черные. Мы с коллегами искали путь к истине, изучали, исследовали, говорили мэрам, что будет, если они так легко поддадутся сиюминутным желаниям. И вуаля, теперь мы в опале! Я сам прикрывал своих коллег, этих павлинов, пока они болтали всякое. (На этих словах у Виктора стал расстроенный вид и злые глаза. Клаус удивился смене регистра.) Хотели и рыбку съесть, и из воды сухими выйти. Вот и дотрепались, что теперь сидим здесь и никуда поехать не можем. Ждем своей участи. Как вспомнит о нас Всеединый и решит, что нам место за решеткой… Но вы, ваша троица, можете нам помочь.

– И письмо вы отдадите, только если я скажу “да”.

– А вы знаете, что у вашего нового знакомца Лукаша около сорока сводных братьев и сестер? Его отец держит гарем.

– Как держит? В подвале? Не выпускает женщин наружу?

– Ха-ха-ха! Нет, конечно. Они все живут в своих домах, кто-то даже в столице. Работают на хороших должностях. Дети, кто подрос, тоже. Но они на работе редко появляются, так как вреда от них больше, чем пользы. Но это что. Некоторые древние люди жили в такой роскоши, которая не снилась столичному государю. Ты видел их могилы из камня? А ты слышал, что такое море? А пляж с белым песочком? Вырос в дыре и, наверно, только ее и видел. Хочешь чего-то большего – надо постараться. И не как все, а что-то такое сделать, особенное.

– Как-то мы на “ты” резко перешли. Даже в моем родном городе есть бесплатный городской пляж. И термы. Нормально мы там отдыхаем, даже зимой можно купаться…

Но Виктор не слушал Клауса.

– Ты не представляешь, какими деньгами ворочают мэры! Можно купить остров, и он будет только для тебя. Никого рядом, весь пляж тебе.

– Да, отлично, купи себе остров, я не возражаю. Так, и где мое письмо? Оно тебе нужно, чтобы остров купить?

Виктор поостыл, понял, что его понесло и Клауса убеждать нужно по-другому.

– Это не просто книга – то, за чем вы идете. Эта книга написана на древнем языке, который не сохранился в памяти Всеединого. Она ему нужна, чтобы расшифровать и выучить этот язык и найти его остатки в чертогах своей памяти.

Глупый библиотекарь не в курсе был, насколько ценен этот труд, растрепал всем, что у него в спецхране сокровище и что за ним послали из дальнего города. Столичные вмешались, решили перехватить, чтобы она не досталась вашему мэру. А потом оп! И черная дыра вместо Бар-Айула. Три миссии туда посылали. Никто оттуда не выезжал уже год, даже те, кто заехали с визитом к родне или просто туристы. На запросы Всеединого отвечают, а физически – никого не видно. Вы, когда туда заедете, точно так же пропадете.

Так вот, шер ами, я хочу дать вам помощника. Таня владеет черной магией. Возможно, с ней вы оттуда выберетесь или хотя бы сможете передать Всеединому, что на самом деле творится в городе. За свою помощь тифлинг запомнит книгу и принесет мне эту память, а вы должны ей всячески помочь, чтобы она добралась до меня в целости и сохранности.

– То есть мы просто из благодарности за вашу помощь не сдадим тифлинга белым магам?

– Нет, не только. Она вам наваляет, если вы к ней сунетесь. Ее черная магия гораздо сильнее того, что вы можете втроем. Не всякий черный маг с ней сравнится. Это имба – слышал про такое?

– Опять данжоны-эн-драконы?

– Да, мы с коллегами играем, пока тут срок мотаем в усадьбе. В общем, стадо гоблинов вам с ней будет нипочем. Так что не говорите “спасибо!”

– Что-то с трудом верится в имбу. Но я думаю, вы правы: если весь город под чарами, без помощи, хотя бы и вашей, нам не справиться.

– Вот и вы, шер ами, признали, что черная магия бывает необходима.

– Потому что белая не может нас защитить и, возможно, послала на смерть.

– Все мы так однажды свой выбор сделали, но никогда не поздно вернуться назад.

Виктор подмигнул и рассеянно улыбнулся какой-то своей мысли. В кабинет вошла женщина, встретившая Клауса у входа.

– Иилона, – обратился к ней Виктор, – что-то моя старая рана не дает мне покоя. Позовите на вечер массажистку. А сударь-миссионеры могут идти, и Таня уходит с ними.

Лютер встретил Клауса и Таню на крыльце. Лицо у него было удивленное. Клаус представил Таню и хотел было рассказать Лютеру в подробностях свой разговор с Виктором и черными магами, но передумал. Сказал только, что хозяин усадьбы предложил им Таню в помощь, так как им потребуется больше сил, чтобы справиться с таинственной магией в Бар-Айуле. Откуда Виктор узнал про их миссию и письмо, Клаус так и не понял – тут врать не пришлось. Таня вернула Клаусу письмо, и дальше Клаус всю дорогу вез его в нагрудном кармане.

Тем вечером Клаус снова попал в номер к Лии-Анне. На этот раз конфету он брать не стал, сказал, что с первого раза все запомнил и трезвый сам хорошо справится. Еще сообщил, что передал Всеединому, чтобы тот уведомил его невесту, что они расстаются по несовместимости жизненных взглядов. Лии-Анне, кажется, это понравилось.

Глава 4

i. Визит к мэру

На следующее утро в яму явились дозорные и попросили троицу и тифлинга Таню проследовать с ними на беседу к мэру. Пришлось идти.

Мэр оказался короткостриженным бюрократом средних лет. Ратуша, в которой он восседал, была почти пустая, несмотря на обилие кабинетов. В коридорах стояла тишина; их шаги гулко раздавались в этой тишине, и из открытых дверей пару раз на них взглянули испуганные глаза.

– Что хотел от вас Виктор? – мэр решил не церемониться. – И не врите мне, мой придворный маг все видит.

Стоящий у витражного окна маг, закутанный в серый плащ, согласно кивнул.

– Мы едем с государственной исследовательской миссией в Бар-Айул, это известно Всеединому, – ответил Клаус. – Все отчеты есть у Лютера.

– Виктор с ним не говорил, продержал его на пороге. Мой маг это видит. Что он хочет от вас, и почему с вами теперь ходит тифлинг?

– Уважаемый мэр славного города Пирим, – вмешалась Таня. Голос у нее был не менее высокомерный, чем у мэра, Виктора и его друзей. (“Что это за манера такая говорить?” – подумал Клаус. – “Они действительно считают себя выше окружающих? Или они реально что-то такое в жизни постигли, отчего теперь не могут спуститься на один уровень с остальными?”) – Покровители Виктора не хотели бы, чтобы мы рассказывали здесь об истинных целях нашей миссии.

– Что?? Ты это мне говоришь, гаденыш? Да мы из тебя всю дурь сейчас выбьем!..

Тифлинг как-то резко дернул рукой, и серый маг согнулся пополам.

– Не выбьете.

Мэр вдруг успокоился и даже улыбнулся.

– Ладно, шушера, идите, так и быть. Виктору передай, что его усадьба уже не его усадьба. Я ее купил.

– Врете, – улыбнулась Таня. – Не держите меня за дурочку.

Настроение у компании было испорчено.

– Ну что, пойдем смотреть достопримечательности? – спросила Лии-Анна.

– Почему все эти чиновники тебя в упор не видят? Все время допрашивают только меня и Лютера, – ответил Клаус вопросом на вопрос.

– Наверно, считают, что я не самый важный человек в нашей компании. С другой стороны, я и не против. Не хотелось бы, чтобы в моей голове ковырялись маги.

– Ты же хилер? – спросила Таня. – Только людей лечишь? А то у меня вот здесь бородавка. Все хочу удалить, но времени нет сходить к косметологу.

– Я сейчас в рамках миссии могу лечить только раны, которые мешают выполнению задачи. Любые посторонние заклинания Всеединый спалит, и меня могут лишить права вообще на любое лечение магией. Только травы, мази всякие. Можем рискнуть, и я тебе прижгу бородавку жидким азотом. Но предупреждаю, у меня по неорганической химии тройка была. Если бородавка не отпадет и воспалится, то подключим магию, так как рана будет мешать походу.

– Голь на выдумки хитра, – сказала Таня и подмигнула Лии-Анне. Бородавку они потом так и вывели.

Остаток дня сходили в исторический музей возле городской ратуши, проплыли на гондоле по крытым каналам, опоясывающим весь центр города и не замерзающим даже зимой, погуляли в зимнем саду, потом пошли на рынок. Рынок оказался в здании с высоченным стеклянным потолком и как будто кованым, ажурным каркасом. Мраморные полы были натерты до блеска. Магазины располагались в небольших помещениях в несколько этажей, тянущихся длинными рядами от центра в виде восьмиконечной звезды. Попадались и кафешки, которые выставляли столики прямо в холл. Рынок славился локальными брендами одежды и аксессуаров от местных мастеров – все изделия в единственном экземпляре, ни один волшебник не повторит. Здесь же были экзотические вкусняшки, мазалки для косметического ухода, спортивный инвентарь, магические артефакты.

Такие рынки оставались только в больших городах; остальные же довольствовались государственными товарами, которые можно было бесплатно получить на складах. То, что местные ремесленники производили собственными руками или под лицензией на малую магию, покупали по знакомству с рук либо в небольших лавочках. О том, что в доме есть магазин или принимает знахарь или гадалка, узнавали по вывескам или благодаря молве. Также можно было спросить или оставить отзыв о товаре или услуге у Всеединого, чьи алтари были в каждом квартале.

В итоге на рынке в Пириме команда прикупила еще пугачей, пополнила запасы еды, набрала вкусняшек и всякой мелочевки. Ужинали опять в таверне в яме и разошлись отсыпаться перед следующим перегоном.

ii. Дорога на Оссенбург

Выехали на заре. Впервые за все путешествие вместе с ними из города выезжали другие всадники и повозки. Причем сколько выезжало, столько и въезжало. Тракт был в два раза шире, чем до Пирима. На стоянке вместе с ними обедали несколько путников, костер там, казалось, не потухал весь день.

– Тань, ты убивала же людей наверно? – негромко спросила Лии-Анна, чтобы их не слышали другие путники, когда они отобедали и потягивали чай на стоянке. – Сколько убивала?

– Ну так, пять-шесть. Я молодая еще, малоопытная. И я не уверена, что я их всех прям совсем убила. Некоторые могли восстать. Я имею в виду не только людей, но и другие расы вроде гоблинов. У Виктора очень хорошая школа силовой магии, она известна всему цивилизованному миру.

– Ты нас тоже можешь убить?

– Конечно. Вы легкие.

– Нет, в смысле, может ли такое случиться, что ты и нас убьешь?

– Вряд ли, если вы не встанете у меня на пути. Даже у черных магов не принято нерациональное поведение. Хотя бывает, что маги двигаются кукухой. Говорят, Виктор в свое время убил одного такого, много людей спас.

– То есть твоя цель может быть дороже, чем жизнь людей?

– Погодите, вот вы того разбойника когда замочили, то вы себя, свою жизнь выше него поставили?

– Нет, там все честно, так как мы оборонялись. Но если мы будем мешать тебе запомнить книгу, то это будет обмен знаний на жизнь.

– Так вы и не мешайте. Я же от вас не скрываю свои намерения. Все четко. Будете мешать срисовать книгу, я вас кончу.

– А если бы мы были твои друзья или родственники? Если бы мы были тебе дороги?

– Тогда бы не кончила. Но мне дороги только мои братишки и сестренки по черной магии. Они мои настоящие друзья. А семью я давно не видела, вряд ли они встанут у меня на пути.

– Как ты избежала правосудия Всеединого?

– Ты этот бред правосудием называешь? Там такие законы, что сами белые маги кого угодно могут кокнуть, посадить в тюрьму пожизненно или оправдать. Всеединый – что дышло: белые маги его ворочают, куда им надо. Наклепают отчетиков, и все у них белыми нитками шито. Те, кто заказывал мне миссии, меня же и отмазывали от Всеединого.

– Разве законы устанавливают маги?

– А ты знаешь, кто их устанавливает?

– Нам в школе говорят, что Всеединый их хранит и редактирует на основании всех сведений, что ему поступают. И нет никого объективнее, чем он, и оперативнее в принятии решений.

– Смешно. Это только у нас так в стране, кстати. У Всеединого на этой теме тоже регулярно крышак съезжает. Начитается отчетов и начинает видеть преступления там, где их нет. Например, медицинская операция становится для него насилием. Или, наоборот, вдруг почему-то станет очень милосердным. А белые маги, которые сами в законах не сведущи, берут и ковыряют его, чтобы он перестал чудить. И где тут праведный суд?

Чем руководствуются белые маги, знаешь? Они говорят, что у них свои “метрики”, а что за метрики, откуда взяли, не говорят. Якобы они заложены в настройках у Всеединого – вот круг и замкнулся! Ну не бред ли?

Мы, черные маги, первые это заметили и вырубили Всеединого, чтобы у него забрали право суда над гражданами. Это был такой батл с белыми, о котором легенды ходят! Виктора за это заперли в усадьбе.

Я вот была у соседей за морем – они это сразу прочухали, поэтому там такого нет. Люди пишут законы и сами их применяют. Даже профессия такая есть: юрист. Я, наверно, туда перееду, когда Виктор отпустит. Он мне уже и протекцию состряпал. Хотя у них тоже экономический упадок…

– Что это за упадок, о котором все говорят? Я другой жизни и не видела. С детства, как жила, так и живу. Все базовые потребности обеспечены. На все, что выше них, приходится зарабатывать. Мне кажется, все честно.

– А как зарабатывать-то? Убийствами и грабежом библиотек? Правильно Клаус говорит, что исследовательские миссии – это фигня из-под коня. Зато нормальные способы заработка либо запрещены, либо к ним такой сложный путь, что проще бросить и жить как живется. Зачем вот с тебя требуют покупать лицензию на врачевание?

– Чтобы я доказала, что действительно хочу этим заниматься. И еще внесла вклад в тот город, в котором я буду работать. На деньги таких, как я, ведь и содержится государство.

– Туфта! Ты и так вон сколько училась, а больше ничего не умеешь. Понятно же, что ты хочешь заниматься врачеванием. А какой вклад в городскую жизнь лучше, чем лечение людей и других рас? Получается, тебя просто грабят и принуждают к опасной работе, потому что ты слабая и некому за тебя постоять.

– За морем что, лучше в этом плане?

– В каждой избушке свои погремушки. За последние сто лет, что Всеединые по всему миру ведут счет, население везде ополовинилось. Все расы потихоньку вымирают. Виктор любит рассказывать о разных катастрофах, отголоски которых есть в древних легендах. Тогда исчезать могли целые города. Они превращались в пыль за секунды или пустели одним днем, потому что люди из них уходили. Но сейчас вымирание происходит не мгновенно, а постепенно, десятилетиями. Говорят, если живую лягушку варить на маленьком огне, то она расслабится и не заметит, как сварилась. А могла бы выпрыгнуть.

– Погоди, за морем есть Всеединый?

– Ой, там все сложно с магией. Он по-другому называется, но да, есть, конечно. Не сами же они себе одежду шьют и овощи выращивают. В той стране, куда я хочу уехать, их несколько, и они между собой соперничают, кто лучше и больше понравится населению. Но по итогу над ними властвуют все те же белые маги, которые все время дерутся друг с другом. Возьмет один насоздает много-много самовозок, завалит ими города. А другой возьмет и хакнет эти самовозки, так что ездить нельзя. Это у них называется конкуренция. Как будто ребенку дали очень дорогую игрушку, и он ей колотит по полу изо всех сил.

– Но для нас-то с тобой чем плоха конкуренция? Смотри, можно выбрать город, страну, профессию, начальника.

– Тем, что ни у кого нет хорошего выбора. Весь этот выбор вынужденный, потому что кто-то вытолкнул тебя с твоего места или хочет сам не работать, а чтобы ты за него все делала.

– Однажды на меня тоже кто-то будет работать.

– На тебя, скорее всего, нет. Ты идешь прямым путем, честно следуешь правилам, а старт у тебя очень слабый. Ни связей, ни денег. Поэтому всю жизнь будешь бегать по чьим-то поручениям, так как всегда найдется кто-то выше тебя, кто тебя принудит.

– Почему ты так все мрачно рисуешь?

– Потому что я – черный маг. Я вижу систему, а не следую вслепую ее предписаниям.

– И это позволяет тебе смотреть свысока на остальных?

– А-а, ты про мою манеру говорить. Не-е, я в столице росла просто. Там так принято. Это типа с молоком матери прививается. Так что ничего личного, я вовсе не считаю себя умнее тебя. Просто мой ум заточен смотреть на другие вещи. А вот мэр или тот разбойник или даже Виктор – для них ты букашка, потому что они могут тебя использовать в своих целях. У них тоже манера такая, привита с детства.

– И ты все равно выбрала работать на Виктора?

– И ты все равно выбрала работать на сира Гриигора? Виктор – гений, а Гриигор – чмоня, над ним даже свои посмеиваются и держат его за сявку. Тот еще отморозок, кстати. Три миссии до вас сгубил в Бар-Айуле и ничего вам не сказал.

– Откуда-то вы, черные маги, все про всех знаете! А про то, что случилось в Бар-Айуле, вам и неведомо. Может, те люди живы и здоровы в Бар-Айуле?

– Ага…

До Оссенбурга оставалось три дня ходу. Таня и Лии-Анна неплохо подружились. В ямах Клаус просился ночевать к Лии-Анне, и она его всегда пускала. На третий день их обеденная стоянка была в горах, сверху открывался роскошный вид на горные хребты, леса и долины. Кое-где было видно дым от поселков, где все еще топили дровами. Наконец-то лег снег, но ехать по тракту было не страшно – он как всегда был чист. Клаус позвал Лии-Анну немного прогуляться по горной тропе, и, когда они отошли так, что никто не мог их слышать, сделал предложение. Лии-Анна согласилась и в свою очередь предложила по возвращении жить у нее. Клаус пообещал сам сделать ремонт. Также они решили по мере возможности открыть бар или таверну, где Клаус будет управляться, а Лии-Анна будет держать врачебный кабинет дома. И еще договорились, что через пару лет заведут детей.

– Так, и кем работает твой отец, Клаус? Ты тогда недосказал в таверне.

– Он – дозорный.

– Фигасе! Для сына дозорного ты очень смело предлагал мне врачевать без лицензии.

– Потому что знаю, что если есть связи, то это можно делать и так.

– Хорошо, что у нас будут деньги обстряпать все легально. А твои родители не против, что ты на сироте женишься?

– Я им расскажу, как со мной поступила знатная невеста и ее родня. Хотел бы сказать, что еле-еле ноги унес, но нет, еще не унес. Думаю, они меня поймут. Лучше мы с тобой съедим этот пуд соли вместе. Спроси, кстати, у Тани, может, она что-то знает о твоей родне.

Таня тоже не знала, но передала запрос Виктору. На следующий день въехали в Оссенбург.